

ГЕОФИНАНСЫ

*Ю.В. Рожков,
д-р экон. наук, проф. ХГАЭП;*

*И.П. Чёрная,
д-р экон. наук, проф. ВГУЭС*

КИТАЙ И РАЗВИТИЕ ГЕОФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ЭПОХИ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мировой финансовый кризис 2007–2008 годов в значительной степени изменил развитие интеграционных процессов в рамках глобальной экономики. Характер этих процессов обусловлен сложной природой кризиса, не имеющего аналогов в истории: его невозможно отнести ни к циклическому, ни к технологическому, ни к формационному, ни к цивилизационному, ни в чистом виде к структурному, хотя он и обладает многими этими чертами. Масштабная системная несбалансированность мирового хозяйства сформировала системный характер глобального кризиса.

Указанная системность существенным образом отражается на социально-политической и геоэкономической направленности интеграционных процессов. Кризис, по словам М. Вульфа, как бы проверяет «живучесть» глобализации, угрожая ей по трём направлениям: снижение готовности стран (причём даже таких, как США и объединённая Европа!) к либерализации финансовых рынков; подрыв веры в модель основанного на свободном рынке капитализма; ухудшение состояния мировой экономики [1].

Действительно, если в начале XXI-го века глобальные рынки производили и потребляли приблизительно 20 процентов объёма мирового производства (около 6 трлн долл. из 28 трлн долл. мирового ВВП), то кризис 2007–2008 гг. обусловил замедление экономического роста. После перерыва в 2009 г., умеренного восстановления в 2010 г. и замедления в 2012 г., в 2013 г. процесс глобализации ведущих экономик мира всё же стал нарастать, но невысокими темпами. Причём, если ранее рост осуществлялся двумя разными «скоростями»: высокими темпами в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах и медленнее в странах с развитой экономикой, то в нынешних условиях произошло расслоение на три «скорости». Страны с формирующимся рынком и экономика развивающихся стран продолжают быстро расти, но среди стран с развитой экономикой усиливается расхождение по темпам роста между США, с одной стороны, и зоной евро – с другой [2].

Эксперты МВФ подчёркивают, что риски снижения темпов мирового экономического роста относительно прогноза всё ещё преобладают. Ведь сохраняются прежние риски и появляются новые, связанные с возможностью более длительного уменьшения активности в странах с формирующимся рынком, особенно с учётом опасности снижения темпов потенциального роста, замедления роста кредитования и, возможно, более жёстких финансовых условий, если ожидаемое сворачивание денежно-кредитных стимулов в США приведёт к устойчивому изменению направления потоков капитала [3].

Пессимизм прогнозов МВФ дополняет авторитетный эксперт в области глобальных финансов Нуриэль Рубини (США), предрекавший «идеальный шторм» глобальной слабости. В 2011 г., а затем в конце 2012 г., им показано, что ситуация в 2013 г. может оказаться гораздо более худшей, чем кризис 2008 г. Тогда удалось провести ряд мероприятий: понизить базовые ставки с 5–6 процентов до нуля, провести монетарные смягчения, создать налоговые стимулы с нагрузкой на бюджет до 10 процентов ВВП и даже гарантировать выплату антикризисной помощи. Сегодня очередные раунды количественного смягчения становятся всё менее эффективными, так как сегодняшние проблемы связаны не с нехваткой ликвидности, а с неплатёжеспособностью [4].

Налицо крах не только прежней системы мироустройства, но и неолиберальной модели глобализации конца XX-го века. Важными чертами той модели были: а) доминирующая роль США в мировой экономике; б) полное отделение в экономике финансовой сферы от производственной и связанное с этим наличие огромного количества ничем не обеспеченных финансовых активов; в) распространение вширь институтов либеральной демократии вне связи с тем, существуют ли для них необходимые условия и предпосылки и т.п. [5]. Причём разрушение биполярной модели мира (США–СССР) не привело к становлению однополярности (США) или новой биполярности (США–Китай). Возникшая многополярная модель мироустройства является симбиозом около двух сотен неодинаковых стран с разным уровнем формационного, то есть социального и экономического развития, не имеющих эффективной стратегии преодоления кризиса [6].

Под действием глобального кризиса в новом этапе экономической глобализации – постглобализации – выявляются несколько основных трендов, включая деиндустриализацию, новую бедность среднего класса, политические кризисы в так называемых «третьих странах», раздутые финансовые рынки и социальные обязательства [7].

Ключевая роль в развитии постглобализации принадлежит геофинансовым факторам. Ш. Голдфингер считает, что геофинансы – новое финансовое пространство-время, игнорирующее законы географии и национальные границы; это синтез мировых денег, информационных технологий и либерализации законодательного регулирования [8]. Следовательно, в структурном плане геофинансы – это глобальная сеть традиционных и виртуальных, дематериализованных (дестафированных) финансовых рынков, функционирующих на них участников, при организующей и ведущей роли интермедиаторов (посредников).

Геофинансовая система, сложившаяся к началу глобального кризиса, по своим масштабам и механизмам функционирования была результатом предшествовавшего этапа глобализации. Поэтому важной характеристикой геофинансов стало их развитие по своим собственным законам, что привело к отрыву от национальных финансовых систем, означая частичное перемещение функций регулирования к мировым финансовым центрам, главным критерием экономической деятельности которых является максимальная прибыльность [9]. Поэтому мы определили геофинансы в виде совокупности экономических отношений, связанных с формированием, распределением, перераспределением и использованием национального и мирового дохода между субъектами глобальной экономики на основе финансово-кредитных, информационных и иных операций общего и частного свойства, отражающих одновременно мировые закономерности и специфику отдельной страны (региональных интеграционных союзов) в движении дестафированных денежных фондов [10].

Развитие геофинансовых факторов глобализации многие исследователи считают причиной современных кризисов. Финансиализация, развернувшаяся вместе с поздним капитализмом и определяемая слишком малым количеством денег, вкладываемых в реальную экономику, действительно привела к новым глобальным рискам. О масштабах финансиализации можно судить по величине прибылей американских корпораций. В 1970 г. на долю финансового сектора приходилось порядка 15 процентов, а к 2002 г. эта доля выросла до 42 процентов [11]. Н.А. Симония и А.В. Торкунов считают, что компьютеризация финансовой сферы стала грозным оружием массового финансово-экономического разрушения, превратив финансовую систему в мощную самодовлеющую структуру, оторванную от реальной экономики, а потому характеризуемой в виде своеобразной «раковой опухоли» на теле экономики, распространяющей в организме свои метастазы [12].

Усиление геофинансовых факторов постглобализации особенно эффективно проявляется в процессе укрепления финансовых систем нового центра мировой политики – стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Китай пока не входит в число лидеров

финансового развития по версии Мирового экономического форума (WEF), более того в 2012 г. страна опустилась на четыре пункта ниже позиции в рейтинге 2011 г. и заняла 23-е место. При этом по отдельным показателям рейтинг КНР значительно ниже: институциональная среда – 35-е место (включая либерализацию финансового сектора – 44-е место); деловая среда – 47-е место (включая налогообложение – 54-е место); доступ к финансированию – 41-е место и др. Однако по ряду показателей КНР находится на более высоких позициях: финансовые рынки – 17-е место, небанковский финансовый сектор – 4-е место (включая активность IPO Initial Public Offering – первая публичная продажа акций – 1-е место); финансовая стабильность – 20-е место (включая устойчивость валюты – 7-е место), риск кризиса суверенного долга – 7-е место и т.д. [13].

Но именно Китаю в формирующейся геофинансовой архитектуре постглобализации отводится ключевая роль, определяемая ростом его экономического потенциала. Так, в 2007 году доля КНР в мировом валовом продукте (вычисленном по паритету покупательной способности) составляла 11 процентов, а в 2012 – 14,9 процентов. За это же время размер китайской экономики вырос с 52 процентов до 79 процентов от величины экономики США. В 2007-м экономика Китая была больше японской в 1,7 раза, а сейчас – в 2,7 раза. Однако положение формирующегося глобального лидера в условиях кризиса не оценивается однозначно.

В конце 2012- первой половине 2013 гг. было опубликовано несколько знаковых для экономического сообщества прогнозов. В докладе «East Asia and Pacific Economic Update» Всемирного банка прогнозировался превышающий прежние ожидания рост экономики Китая в 2013 г. на 8,4 процента. При этом подчёркивалось, что восстановление темпов роста станет результатом действия фискальных стимулов и реализации масштабных инвестиционных проектов, однако в 2014 г. ожидается замедление роста до 8 процентов. Серьёзной угрозой развития являются риски, которые могут ухудшить перспективы АТР, а именно – возможное торможение структурных реформ в еврозоне, пресловутый «бюджетный обрыв» в США и резкое замедление инвестиций в КНР [14]. В декабрьском (2012 г.) обзоре рынка и аналитики журнала BusinessWeek, и эксперты показывали необходимость перебалансирования китайской экономики на основе её перевода с инвестиционного роста к росту за счёт потребления в сочетании с ужесточением условий кредитования. Замедление во второй половине 2013 г. неизбежно, так как Китай уже достиг той точки, «когда рост инвестиций и кредитов больше способствует не процветанию экономики, а скорее, её уничтожению» [15]. В январе 2013 г. свой прогноз опубликовал Джон Дж. Ксенакис, который, выделяя КНР в составе шести наиболее кризисных для мировой экономики регионов, отметил наиболее высокую вероятность кризиса в этой стране, обусловленную её внутренними проблемами и возрастающим влиянием на глобальный финансовый рынок [16].

О возможной угрозе финансового кризиса в Китае говорит прогноз (март 2013) японского банка Nomura – одного из главных экспертов по азиатской экономике. Банк выделяет несколько опасных симптомов подступающего к Китаю кризиса: сокращение потенциального роста, высокие цены на недвижимость и быстрое создание резервов. Такие же признаки наблюдались в Европе, США и Японии перед началом финансового кризиса 2008 г. Ключевые риски для китайской экономики формируют власти провинций, небанковские финансовые институты и девелоперы. Серьёзную опасность имеет скорость роста госдолга. Он увеличился с 121 процента ВВП в 2008 г. до 155 процентов в 2012 г., что приближает Китай к выявленному в банке Nomura правилу «5 к 30»: перед финансовым кризисом показатель увеличивался за 5 лет примерно на 30 процентов ВВП. Так было в Японии, США в 1995–1999 гг. и 2003–2007 гг., а также в ЕС в 2006–2010 гг. [17].

По прогнозам (август 2013) Транснациональной аудиторской компании «PricewaterhouseCoopers» средние темпы экономического роста в Китае составят примерно 7,5 процента в год, что соответствует принятым правительством КНР целевым показателям, но ниже ожидаемых. Эксперты предсказывают осуществление стратегии

опережения темпов роста потребительских расходов темпам роста производственной базы [18].

Сегодня всем очевидно, что лидерство и относительную финансовую устойчивость китайской экономике обеспечивают не случайные факторы, а реализация целенаправленной геофинансовой стратегии. Именно её оценка лежит в основе экспертных расчётов о возможности опережения Китаем США. Основой будущего первенства Китая, который за десять последних лет создал три новых экономики КНР, может стать укрепление юаня по отношению к доллару более быстрое, чем это происходит сейчас [19].

Серьёзным подтверждением усиления геофинансовых позиций Китая является рейтинг Top 1000 World Banks 2013 журнала The Banker, в котором верхние позиции занимают китайские банки, показывающие сейчас максимальные показатели по прибыльности среди всех банков мира: Industrial & Commercial Bank of China (Промышленный и коммерческий банк Китая, доналоговая прибыль – \$43,2 млрд, 70,7 процентов акций принадлежит государству); China Construction Bank (Строительный банк Китая, доналоговая прибыль – \$34,8 млрд), ставший в этом году вторым по величине активов и капитала банком страны; Bank of China (Банк Китая, доналоговая прибыль – \$22,45 млрд, контрольный пакет акций принадлежит правительству КНР) – старейший банк страны, основанный в 1912 г.; Agricultural Bank of China (Сельскохозяйственный банк Китая, доналоговая прибыль – \$23,3 млрд), имеющий отделения по всей территории страны, а также в Гонконге и Сингапуре.

На финансовые учреждения КНР уже приходится 29,3 процента прибыли мировых банков, тогда как в 2007 г. показатель составлял только 4 процента. Сегодня рентабельность китайского банковского бизнеса гораздо выше, чем в США и еврозоне. Однако в рейтинге надёжности китайские финансовые учреждения пока уступают своим иностранным конкурентам, так как банки КНР находятся в первой десятке надёжных банков [20]. К тому же темпы роста прибыли ведущих китайских банков в 2012 году резко сократились, став минимальными за последние несколько лет. Agricultural Bank of China в 2012 г. увеличил чистую прибыль лишь на 19 процентов. Для сравнения, за 2011 г. этот показатель равнялся 29 процентам. Рост чистой прибыли Bank of China составил лишь 12 процентов (против 19 процентов в 2011 г.), что стало минимальными темпами роста с 2006 г. Бизнес традиционных кредитных институтов страдает от политики Центробанка КНР (сокращение разницы между ставками по банковским кредитам и процентами по депозитам), от усилий китайских властей по развитию рынка облигаций и новых форм заимствований, сокращающих кредитный портфель банков, включая корпоративные бонды, от роста популярности теневого банковского сектора для малого и среднего бизнеса в результате легализации деятельности трастов, обладающих активами с совокупным объёмом около \$1 трлн долл. [21].

Особо следует отметить валютную политику КНР. На фоне сохраняющихся кризисных явлений в мировых финансах и «дедолларизации» национальных экономик Китай ускоряет процесс регионализации национальной валюты по следующим направлениям:

- использование преимуществ растущих масштабов торгово-экономического сотрудничества для расширения зоны обращения юаня в азиатском регионе;
- повышение международной ликвидности юаня, в том числе посредством институциональных соглашений и формирования регионального рынка, обеспечивающего условия для выхода на международные финансовые рынки.

Сдерживающими факторами, как подчёркивает С. Ноздрёв [22], могут стать риски, обусловленные ограниченными возможностями КНР в регулировании международных потоков капитала и его недостаточно развитой системой участия в международных финансах. Вместе с тем, несмотря на действующие ограничения, в течение последних десятилетий юань фактически выполняет функции валюты обращения в приграничных с Китаем районах России и других государств.

Российские и китайские банки из приграничных регионов с 1.01.2005 г. начали

осуществлять между собой расчёты в рублях и юанях, минуя долларовую переоценку. Основной причиной нововведений стало стремление участников рынка существенно уменьшить долю серых схем, применяемых при осуществлении сделок обеими сторонами, увеличить товарооборот между РФ и КНР, расширить ассортимент банковских услуг для корпоративных и частных клиентов российских приграничных кредитных организаций, имеющих внешнеэкономические связи с КНР. Официальное использование юаня в приграничной торговле началось с июля 2009 г., когда китайская валюта заметно усилила свои позиции как валюта расчётов с Россией, Вьетнамом, Монголией и КНДР. В основу проведения трансграничных расчётов между Народным банком Китая и центральными банками 12 стран положены подписанные в конце августа 2011 г. двусторонние соглашения на общую сумму 841,2 млрд юаней. Таким образом, расширение приграничной торговли уже сейчас закладывает необходимую основу для регионализации юаня, его использования не только в торговых, но и в других трансграничных операциях.

Китай демонстрирует геофинансовую стратегию, соответствующую концепции приграничного регионализма, реализуемой через механизмы расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», «выход вовне», программы построения «приграничного пояса открытости», региональных программ «освоения западных регионов», программ «подъёма и процветания старопромышленных баз» Северо-Восточных регионов КНР, программ конструирования экономических, транспортных и культурных приграничных коридоров, и др. [23]. Её реализация, несомненно, способствует росту объёма приграничной торговли. Объём китайско-российской торговли в 2012 г. составил \$88,2 млрд. К 2015 г. планируется увеличение товарооборота между двумя странами до \$100 млрд. Особую роль в развитии товарооборота играет приграничная торговля. Так, объём экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию занимает около 24 процентов от общего показателя.

Вместе с тем развитие приграничного сотрудничества сдерживается некоторыми негативными моментами. Часть из них имеет традиционный для российско-китайской торговли характер и обусловлена сырьевой структурой экспорта России, деформированностью экономики приграничных субъектов РФ, неразвитостью приграничной инфраструктуры, несовершенством нормативной базы, в том числе межбанковских отношений. Другая часть – определяется влиянием современного глобального кризиса и его последствий, включая изменение валютных курсов и покупательской способности населения, рост «серого» импорта, изменение внутреннего спроса и др. К тому же усиленный рост КНР не снимает проблемы национальной безопасности для России. Г.В. Андреев отмечает, что при нынешних темпах экономического развития к 2020 г. ВВП России будет в 4–5 раз меньше китайского, а такое отставание создаст стратегические вызовы малонаселённым регионам Сибири и Дальнего Востока и ослабит геополитические позиции России в АТР [24].

Если говорить о банковской сфере, то в настоящее время кредитные организации Китая продолжают экспансию на российский финансовый рынок. Сегодня в РФ работают два крупнейших банка КНР: Bank of China (16-е место в мире по активам) и China Construction Bank (14-е место). Отражением этого процесса является открытие в начале 2013 г. приморского филиала Банка Китая (ЭЛОС) во Владивостоке. Это второй филиал банка ЭЛОС на российском Дальнем Востоке. Первый – открылся летом 2012 г. в столице Дальневосточного федерального округа – г. Хабаровске.

Банк Китая – Bank of China – один из крупнейших национальных банков КНР; его филиалы функционируют в 35 странах мира. Банк в 2012 г. отметил столетний юбилей. В этом году исполнится 20 лет его банку со 100-процентным китайским капиталом в Москве (ЭЛОС – ELUOSI).

На открытии филиала во Владивостоке президент ЭЛОС Чжао Ляньцзе заявил, что главные цели приморского филиала заключаются в дальнейшем развитии торгово-экономических отношений между РФ и КНР в целом, и приграничного сотрудничества в

частности, содействие привлечению китайских инвестиций в развитие экономики Приморья, а в будущем расширение географии охвата российских территорий [25].

Таким образом, глобальная экономика стоит на пороге дальнейшего укрепления позиций Китая как в мире, так и на рынке Российской Федерации.

Литература

1. Wolf M. Financial crisis tests durability of globalization // Financial times. 2008. October 10. URL: http://us.ft.com/ftgateway/superpage.ft?news_id=fto100920081302015288 (дата обращения: 14.05.2013).
2. World economic outlook: a survey by the staff of the International Monetary Fund. Washington, DC : International Monetary Fund, 2013. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2013/01/pdf/textr.pdf> (дата обращения: 27.08.2013).
3. Перспективы развития мировой экономики. Бюллетень основных прогнозов ППМЭ. 9 июля 2013 г. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2013/update/02/pdf/0713r.pdf> (дата обращения: 29.08.2013).
4. Рубини Н. «Идеальный шторм» разрушит мировую экономику. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/19902> (дата обращения: 10.07.2013).
5. «Господин кризис, как вас теперь называть?»: Круглый стол // ПОЛИС. 2009. № 3. С. 9–33.
6. Симония Н.А., Торкунов А.В. Глобализация и проблема мирового лидерства // Международная жизнь. 2013. № 3. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1630 (дата обращения: 10.07.2013).
7. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. С. 263–264.
8. Goldfinger Ch. Innovation in Financial Services // Communications & Strategies, No. 48, 4-th quarter 2002. Pp. 139–160.
9. Кочетов Э.Г. Геоэкономический подход к внешнеэкономической стратегии России на современном этапе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 10. С. 23–29.
10. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. С. 265.
11. Что ждёт мировую экономику? // Международная жизнь. 2013. 27 июля. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9844> (дата обращения: 28.07.2013).
12. Торкунов А.В., Симония Н.А. Финансовые аспекты и социальные последствия структурного кризиса в США // Мир и политика. 2013. URL: <http://mir-politika.ru/3727-finansovye-aspekty-isocialnye-posledstviya-strukturnogo-krizisa-v-ssha.html> (дата обращения: 31.08.2013).
13. The Financial Development Report 2012. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FinancialDevelopmentReport_2012.pdf (дата обращения: 11.08.2013).
14. World Bank: East Asia and Pacific Economic Update, December 2012 – Remaining Resilient. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/12/28/000386194_20121228033822/Rendered/PDF/NonAsciiFileName0.pdf (дата обращения: 25.08.2013).
15. 2013 Forecasts From Around the World // Bloomberg Businessweek. Global Economics. 2012. December 20. URL: <http://www.businessweek.com/articles/2012-12-20/2013-forecasts-from-around-the-world> (дата обращения: 27.08.2013).
16. Xenakis J.J. Updating Global Conflict Risk Assessment for China threat. URL: <http://www.breitbart.com/Big-Peace/2012/12/31/1-Jan-13-World-View-2013-Forecast-Financial-Crisis-and-China-Threat> (дата обращения: 28.08.2013).
17. Nomura: Китай стоит на пороге острого финансового кризиса. URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3268138> (дата обращения: 28.08.2013).
18. Global economy watch – September 2013. URL: <http://www.pwc.co.uk/economic-services/global-economy-watch/summary-september-2013.pdf> (дата обращения: 28.08.2013).

19. О'Нил Дж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. М.: Альпина Бизнес Букс, Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 11, 87.
20. Top 1000 World Banks 2013. URL: <http://www.thebanker.com/Landing-Pages/Top-1000-entries-2013/Top-1000-World-Banks-2013> (дата обращения: 29.08.2013).
21. Власти КНР мешают банкам увеличивать прибыль. URL: <http://bankir.ru/novosti/s/vlasti-knr-meshayut-bankam-uvlichivat-pribyl-10039923/> (дата обращения: 29.08.2013).
22. Ноздрёв С. Юань и иена в валютной архитектуре Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 41–50.
23. Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая : уроки для России // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 1. С. 28.
24. Андреев Г.В. Проблемы обеспечения экономической безопасности российского Дальнего Востока и пути их решения // Право и безопасность. 2008. № 1. С. 76–82.
25. Дробышева И. Юань на чёрный день // Российская газета. 2013. 29 марта. <http://www.rg.ru/2013/03/29/valuta.html> (дата обращения: 12.07.2013).